

А.К. БОЧАРОВА

**РАЗВИВАЮЩЕЕ ГОСУДАРСТВО:
РОЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Термин «развивающее государство» прочно вошел в научный политологический оборот в последней четверти XX в., причем в настоящее время понимание этого концепта существенно расширилось. В общем значении данное понятие связано с активной ролью государства в развитии общества, с приоритетной ролью экономической составляющей его жизнедеятельности. Исследователь Х. Квон предлагает под развивающим государством понимать «такой тип государства, который выполняет стратегическую роль в экономическом развитии при помощи бюрократии, располагающей значительной свободой в инициативных действиях для эффективного управления» [Kwon, 2005, p. 483]. Х. Чанг более точно определяет развивающее государство как государство, черпающее свою политическую легитимность из успешности экономической политики, достигаемой, как правило, за счет избирательной промышленной политики [Chang, 2010, p. 82].

Значительную концептуальную широту данного термина отмечают многие современные исследователи. Так, Ю. Досталь считает, что подобный тип государства есть «скорее правило, нежели исключение в процессе перехода любого общества от традиционного к индустриальному в XIX и XX вв.». Согласно такому подходу, любое индустриализирующееся государство, включая Британию 1840-х годов, является развивающим. По мнению исследователя А.К. Бакчи, среди развивающих государств нельзя не

отметить Нидерланды в XVI–XVII вв., Британию в 1560–1851 гг. и Германию 1850–1914 гг. [Bagchi, 2000].

Представители данного направления склонны полагать, что уже в XIX в. внутренние характеристики административных систем в США, Германии и во Франции в целом соответствовали современным представлениям о развивающем государстве [Dostal, 2010, p. 149–150].

Является ли модернизация, понимаемая как макропроцесс социально-экономического, технического, культурного, политического перехода от традиционного общества к современному, результатом функционирования развивающего государства в каждом случае – дискуссионный вопрос современной политической науки.

Истоки понимания концепта «развивающее государство»

Учитывая разнообразие научных мнений о природе развивающего государства, необходимо обратиться к первоисточнику, свидетельствующему об исключительной современности данного понятия.

Впервые данный термин был использован Ч. Джонсоном в классической работе 1982 г. для обозначения особенностей модернизации послевоенной Японии, охарактеризованной им как капиталистическое развивающее государство. Изучая государственный строй и стратегию развития послевоенной Японии, Ч. Джонсон предложил собственное видение критериев успешности быстрого экономического роста и возникновения азиатского экономического чуда [Johnson, 1982]. Необходимо подчеркнуть, что такого рода интерпретации данного термина неизбежно ограничиваются конкретными ситуациями быстрого экономического роста, преимущественно в странах Юго-Восточной Азии.

Опираясь на классическое исследование Джонсона, а также на его более позднюю работу, представляющую переосмысление собственной концепции в процессе научной дискуссии, К. Олдс и Г. Юнг предлагают перечень основных характеристик развивающего государства.

1. Приоритетом активности государства является сфера экономики, причем эту активность можно охарактеризовать скорее в терминах роста, производительности и соревновательности, чем

в терминах всеобщего благоденствия. Конкуренция является при этом не только внутренней характеристикой экономической системы, но и внешним ориентиром в процессе взаимодействия с крупнейшими экономиками мира.

2. Государство уважает права частной собственности и требования свободного рынка и ограничивает свое вмешательство в эти сферы.

3. Государство участвует в регулировании рынка посредством инструментов, сконструированных экономической бюрократией.

4. Государство участвует во многих институциональных соглашениях с частным сектором, в рамках которых совместная координация деятельности осуществляется в формате консультаций и согласований, что определяет содержание ключевых этапов формулирования и реализации политического курса.

5. В то время как бюрократы управляют, политики правят [Olds, Yeung, 2004, p. 511–512].

Таким образом, ключевой характеристикой развивающего государства является позиция государства, находящая инструментальное выражение в активности бюрократии, направляющей экономическое развитие, а значит, и общее развитие социума. Согласно модели развивающего государства, представители государственной власти обладают всеми необходимыми полномочиями по «формированию стимулирующей среды для принятия решений в частном секторе» [Reiffenstein, Nguyen, 2011, p. 462]. При этом исследователи подчеркивают, что принципиальное значение в данной концепции имеет не автономный эффективный управленческий корпус, а наличие сознательной бюрократии, состоящей из «самых талантливых менеджеров» [Law, 2009, p. 263].

Взаимоотношения представителей бизнеса и государства в подобных обществах строятся по модели «встроенной автономии» П. Эванса. Современные авторы также подчеркивают значимость поддержания достаточной степени автономии институтов, возможностей для реализации частной инициативы, партнерских частно-государственных отношений при неоспоримом доминировании государства [см.: Law, 2009]. При этом именно «автономность развивающего государства может сыграть ключевую роль в противостоянии разрушительным действиям экономических элит, которые стремятся использовать свое доминирующее положение в демо-

кратических парламентах, чтобы поглотить общественные ресурсы с алчностью стаи стервятников» [Slater, 2008, p. 4].

Исследуя уникальность развивающего государства, современные исследователи указывают на неполноту вышеуказанных характеристик и выделяют дополнительные черты, значимые для формирования подобного типа государственной структуры. Так, известный исследователь Ю.-Ш. Ву полагает, что ключевыми факторами успеха являются также консенсус элит по отношению к концепции развития (developmentalism), способность государства эффективно проводить намеченный политический курс и промышленную политику, строго соответствующую требованиям мирового рынка [Wu, 2007, p. 980].

Модель развивающего государства в контексте социального знания

Очевидно, что концепция развивающего государства не является сугубо политической или экономической. В данном случае скорее речь идет о комплексной концепции, охватывающей различные аспекты жизнедеятельности общества. В связи с этим необходимо проследить возникновение и становление данной концепции в контексте развития теории и практики политики и государственного управления.

Сторонники концепции развивающего государства подвергают критике как неолиберальные представления о свободном рынке, так и теорию государства всеобщего благосостояния. С одной стороны, модель развивающего государства предполагает рационализацию управления, ориентацию на экономический рост и снижение издержек, с другой – неизбежную экспансию государства для реализации этих целей.

Как подчеркивает В. Лоу, «последователи тезиса развивающего государства бросили вызов неолиберальным верованиям в минималистское государство и развитие, движимое силами свободного рынка, и доказывали ключевую роль государства и его экономических и социальных функций в развитии и экономическом прогрессе» [Law, 2009, p. 259]. Вместе с тем С. Ли и С. Макбрайд уверены, что концепция развивающего государства в принципе не является серьезным соперником неолиберальной теории,

поскольку еще «задолго до азиатского финансового кризиса (кризис 1997 г. – *Ред.*) сторонники неолиберализма дискредитировали развивающее государство, объяснив восточноазиатское экономическое развитие через высокий уровень инвестиций, рост производительности и вклад в человеческий капитал» [Lee, McBride, 2007, p. 8–9].

1970-е годы в англосаксонском мире и некоторых странах Западной Европы – период перехода от государства всеобщего благосостояния к неолиберальному управлению на основе рыночных принципов (новое государственное управление). «Расширенное» государство, обремененное грузом обязательств социальной политики, сменилось эффективным и рациональным поставщиком административных услуг.

На первый взгляд, представляется обоснованным соотнесение концепции развивающего государства с моделью государства всеобщего благосостояния. При этом автор концепции (Ч. Джонсон) склонялся скорее к противопоставлению этих понятий [см.: Johnson, 1982]: экспансия государства, объединяющая данные модели, имела совершенно различные проявления в Европе и Азии.

В современной литературе, однако, появился такой гибрид, как развивающее государство всеобщего благосостояния (*developmental welfare state*). Исследователь Ю. Досталь отмечает, что, несмотря на концептуальную непрозрачность [Dostal, 2010, p. 154], этот термин обладает значительным потенциалом. По его мнению, если Ч. Джонсон в своем определении развивающего государства настаивает на безусловном приоритете экономики над всеми другими сферами, то в концепции развивающего государства всеобщего благосостояния соединяются «стратегии экономического роста и попытки использовать социальную политику как эффективный инструмент в этом контексте» [Dostal, 2010, p. 155; Kwon, 2005, p. 479]. Первым успешным примером такого типа государства является бисмарковская Германия, в которой невозможно отрицать связь между социальной направленностью политики и жестким вмешательством государства в экономическую сферу. Как справедливо отмечает Ю. Досталь, «одним из важнейших научных вопросов современного мира остается вопрос о том, как соединить успешное экономическое развитие с повышающимся уровнем социальной защиты» [Dostal, 2010, p. 148].

Рассматривая реализацию социальной политики в данном типе государства, некоторые исследователи даже склонны выделять особый, четвертый тип режима к классификации Г. Эспинг-Андерсена. Я. Холидей предлагает называть его восточноазиатским «производительным капитализмом всеобщего благосостояния», основные характеристики которого заключаются в избирательной ориентации на улучшение благосостояния рабочих, задействованных в ключевых индустриальных отраслях, при передаче ответственности за обеспечение других членов социума семье [см.: Holliday, 2000].

В современной литературе предпринимаются также попытки соотнести модель развивающего государства как комплексной социально-экономической концепции с господствующими теориями государственного менеджмента, в частности теорией «хорошего» или «качественного» управления (good governance).

Возникшая в конце XX в., стремящаяся если не сократить, то как минимум усовершенствовать, «исправить» роль государства в общественных отношениях, теория хорошего управления предполагает отход от исключительного господства рыночных механизмов в управлении и обезличенного понимания граждан как потребителей услуг в сторону признания их политических характеристик как полноправных членов социума (при сохранении принципов эффективности и ответственности в деятельности государства как его основных целевых ориентиров). Теория хорошего управления – нормативная теория, описывающая демократическое правление, основанное на принципах публичности ключевых принимаемых решений, как лучшую форму организации государственного строя. Указанная теория развивается в русле неолиберальной парадигмы государственного управления.

В отличие от теории хорошего управления модель развивающего государства является в большей степени инструментальной. Более того, Ч. Джонсон в работе 1999 г., опираясь на опыт восточноазиатских государств, подчеркивает, что хотя между авторитаризмом и моделью развивающего государства нет прямой связи, необходимо понимать, что «авторитаризм может иногда непреднамеренно решить важнейшие политические проблемы экономического развития» [Johnson, 1999, p. 52].

Попытку примирения этого противоречия представляет разработанная М. Гринделом теория «достаточно хорошего управле-

ния» (good enough government). Он предлагает инструментальную адаптацию идеи хорошего управления, в определенной степени совместимую с моделью развивающего государства. Как отмечают В. Фритц и А. Менокал, теория базируется на сходных целях экономического, а вслед за ним и политического развития, но отличных инструментах: допуская вмешательство государства, М. Гриндел все же предполагает его минимизацию [Fritz, Menocal, 2006, p. 5–7].

Дальнейшая трансформация теории развивающего государства связана с различиями в определении соотношения ролей политического и экономического управления. Так, Э. Лефтивич пишет о примате политики над экономикой [см.: Leftwich, 2000]. Исследователь Р. Вейд, в свою очередь, предлагает подход «управляемого рынка» и утверждает, что, к примеру, в случае Тайваня вмешательство государства в рыночные отношения было довольно значимым: и политика государства, и динамика рынка могут способствовать экономическому росту [см.: Wade, 1990].

Исследователь Б. Ритчи, проанализировав возможности быстрорастущих экономик в Юго-Восточной Азии, предполагает, что в настоящее время следует говорить о новом типе развивающей модели – координируемой государством либеральной рыночной экономике (state coordinated, liberal market economy developmental model). Эта модель соединяет элементы теории развивающего государства с моделью либеральной рыночной экономики, но в то же время является принципиально несводимой к ним обеим [Ritchie, 2008, p. 435]. Изучая кейс Сингапура, Б. Ритчи выводит уникальный вид капитализма, в рамках которого сильное государство разрабатывает направление политического курса, а затем вступает в кооперативные отношения с акторами частного сектора. Эта институциональная структура способствует освоению мелкими фирмами ниш внутри цепей глобального производства, значительно упрощая процессы технологического совершенствования [Ritchie, 2008, p. 437].

Современные исследования развивающих государств: Основные направления и казусы

Различия во взглядах современных авторов на проблемы функционирования и эволюции модели развивающего государства

в значительной степени детерминированы широким спектром казусов, объединяемых вышеуказанным термином.

Классическое развивающее государство характеризует кейс Японии 1950–1980-х годов. Чуть позже вышеописанные характеристики государства, способствующего быстрому экономическому росту посредством проведения определенного типа индустриальной политики, были распространены на другие азиатские страны, добившиеся значительных успехов в экономическом развитии схожими методами: на четырех «азиатских тигров» (или «азиатских драконов») – Южную Корею, Тайвань, Гонконг, Сингапур, а также на три «новые индустриальные страны» – Таиланд, Малайзию, Индонезию, когда они также вступили на путь быстрого экономического роста [Wu, 2007, p. 979].

По общепринятой версии, наиболее успешными последователями Японии являются Тайвань и Южная Корея [Beeson, 2004, p. 2]. При этом различия между этими тремя государствами весьма существенны. Все они разделяют институциональные способности реципрокности в отношениях между государством и бизнесом, но координация этих взаимоотношений реализуется совершенно различными способами: например, на Тайване – через множество маленьких фирм, в Южной Корее – через специфику взаимодействия чеболей (южнокорейская форма диверсифицированных финансово-промышленных групп, в рамках которых сосредоточены формально автономные фирмы, в действительности находящиеся в эксклюзивной собственности и под управлением одного человека и членов его семьи) [см.: Kang, 1997, p. 31] с государством, в Японии – через фокусированные бюрократические интервенции [Ritchie, 2008, p. 435–437].

По мнению Х. Чанга, в силу качественных различий между развивающими государствами является правомерным расширение данного концепта за границы Восточной Азии: сходные тенденции прослеживаются во второй половине XX в. и в странах Европы. Так, Франция послевоенного периода «использовала сходную стратегию экономического развития, включая практики планирования и секторальную индустриальную политику под руководством бюрократической элиты» [Chang, 2010, p. 83]. Более того, изучая индустриальную политику стран Скандинавии, автор приходит к выводу о принципиальной схожести государства всеобщего

благосостояния с концептом развивающего государства. Даже в случае США Х. Чанг находит – хотя и «скрытые» – признаки развивающего государства. Интересуясь в большей степени практикой управления, нежели теоретическими абстракциями, ученый предлагает конкретные шаги по конструированию развивающего государства в странах Южной Африки.

Вместе с тем несмотря на относительно быстрое развитие данного направления, классические работы в этой сфере посвящены азиатским исследованиям. По мнению М. Бисона, в Восточной Азии девелопментализм остается господствующим направлением развития государства и общества. Изучая опыт Японии и Китая, исследователь демонстрирует, что вне зависимости от нормативных предпочтений исследователей, аспекты развивающего государства институционально укоренены в Восточно-Азиатском регионе [Beeson, 2009, p. 36].

Очерчивая круг азиатских государств, рассматриваемых с позиции девелопментализма, авторы придерживаются различных научных подходов. По мнению В.-В. Лоу, к развивающим государствам относятся те, которым по сравнению с западными индустриальными странами свойственно «запаздывающее развитие» («late development») и они включают, в том числе, капиталистические страны, такие, как Германия, Япония, Россия, Южная Корея и Тайвань, а также социалистические страны – Китай, бывший СССР и Северная Корея [Law, 2009, p. 257].

Однако некоторые исследователи полагают сомнительным присвоение статуса развивающих государств СССР, Китаю и КНДР [см.: Baek, 2005]. Ву, подчеркивая, что социалистические страны в принципе не относятся к изучаемому объекту, ограничивает круг исследуемых кейсов азиатскими капиталистическими развивающими государствами (КРГ). Отмечая, что развивающие государства являются «альтернативной версией капитализма по контрасту с доминирующей англо-американской моделью *laissez-faire capitalism*», Ю.-Ш. Ву добавляет, что КРГ – это «современное меркантилистское государство... среди основных мер его успеха – возможность экспортировать на мировой рынок и способность аккумулировать резервы иностранной валюты» [Wu, 2007, p. 979].

С другой стороны, по мнению В.-В. Лоу, с внедрением рыночных принципов в социалистическую экономику Китая в 1980-х годах

быстрое экономическое развитие вписывается в модель развивающего государства (по крайней мере, в сравнении с неолиберальной моделью Всемирного банка и МВФ) [см.: Law, 2009].

Отдельный блок исследований в сфере концепции развивающего государства посвящен рефлексии опыта успешных стран Юго-Восточной и Восточной Азии, исследованию конкретных казусов и их сравнению.

Так, в настоящее время особый интерес исследователей привлекают кейс Южной Кореи и возможности его классификации как развивающего государства. В современном развитии этой страны выделяются два крупных этапа: если на первом роль государства в сфере экономического развития классически растет, то на втором происходит ее снижение. После демократизации 1987 г. государство потеряло значительную часть своей политической автономии во взаимодействии с капиталом и трудом. Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. устранил оставшиеся государственные привилегии, в результате чего «чеболи получили высокую степень независимости от государственного контроля, в то же время политизировался классовый конфликт: усилилась автономия политического представительства интересов рабочих и среднего класса» [Dostal, 2010, p. 159]. Однако, по мнению исследователей И. Дж. Кима и У.Х. Хонга, важен не уровень зависимости бизнеса от государства, а сам факт осуществления руководства государственным чиновником, пусть даже и обладающим высоким человеческим потенциалом и гибкостью в управлении [Ким, Хонг, 2000, с. 91].

Бу, концентрируя исследовательский интерес на тайваньском казусе, приходит к парадоксальному на первый взгляд выводу, что структура развивающего государства в Тайване была подорвана отнюдь не экономическими (эффектами азиатского финансового кризиса), а политическими причинами: «...демократизация 1990-х годов смягчила тайваньский авторитарный режим и снизила власть экономической бюрократии – мотора капиталистического развивающего государства» [Wu, 2007, p. 980]. Негативное влияние демократизации на КРГ, по мнению Бу, очевидно. Вместе с тем, учитывая значение, которое отводил родоначальник концепции Ч. Джонсон политическим институтам и их автономии в становлении и функционировании развивающего государства, критическая роль последствий политического, а не экономического кризиса не

противоречит логике модели. Тем не менее Тайвань, несмотря на неудачи в развитии, «стремится следовать росту в стратегических областях через углубление (информационных технологий), конгломерацию (финансов) и усовершенствование (биотехнологий)» [Wu, 2007, p. 978].

В данном контексте находит подтверждение «модель летящих гусей» («flying geese»), впервые выдвинутая К. Акамацу, в соответствии с которой государства продвигаются по пути технологического развития постепенно, следуя примеру более преуспевающих стран, располагающихся в непосредственной близости. По мнению Т. Райффенштайна и Х. Ньюгена, катализатором бурного роста и экономического успеха азиатских стран являются прямые иностранные инвестиции, а также трансфер высоких технологий [см.: Reiffenstein, Nguyen, 2011]. В рамках этого подхода многие исследователи изучают опыт заимствования странами Восточной Азии японских политических практик в сфере внедрения и управления высокотехнологичными областями, например развития биотехнологий и инженерии на Тайване [см.: Wong, 2005], защиты интеллектуальной собственности во Вьетнаме [см.: Reiffenstein, Nguyen, 2011].

Указанные тенденции, возможно, являются одним из ответов на ключевой вопрос теории развивающего государства: остается ли государство развивающим после окончания транзита к новому качеству экономики [см.: Dore, 2000]? Роль государства в развитии сохраняется за счет расширения ареала влияния на близлежащие территории и последующего роста потенциала собственных эволюционных характеристик.

Вместе с тем эта проблема затрагивает дихотомию национального / глобального в развивающихся государствах. Очевидно, что функционирование развивающего государства тесно связано с определением четких национальных ориентиров и выходом на международный рынок с целью стимулирования внутреннего развития. Однако в глобализующемся мире границы между национальным и глобальным размываются. Нечеткость национальных приоритетов, в свою очередь, ставит под угрозу сам проект развивающего государства. Именно поэтому исследователи подчеркивают роль образования, обучения и воспитания в развивающихся государствах.

Так, В. Лоу отмечает, что в развивающихся странах «государство является принципиальным конструктором образования для нациестроительства», в этом плане показательны примеры таких разных стран, как Япония и Китай, принадлежащих к разным волнам девелопментализма и различным экономическим укладам [см.: Law, 2009]. Лоу доказывает, что, несмотря на столь значимые различия, оба общества испытывают одинаковые фобии в условиях глобализующегося мира: страх отстать от других стран перед лицом глобального капитала и страх потерять коллективную политическую идентичность. Таким образом, «образование в этих государствах решает дилемму между глобализацией и национализмом, точнее, между экономической задачей подготовки населения к конкуренции в условиях глобальной экономики и социально-политической задачей образования для сохранения коллективной политической идентичности» [Law, 2009, p. 262].

К. Олдс и Х. Юнг полагают, что в этом контексте можно найти преимущества для развивающихся государств: в условиях быстрого экономического роста азиатских территорий появляется возможность возвышения глобальных развивающихся городов. Смещение различных уровней публичного управления в условиях глобализующегося мира не только не является девиацией, но предоставляет новые возможности: в рамках развивающегося города-государства это смещение позволяет расширить контроль над большинством аспектов социальной и политической жизни граждан; государственные структуры, таким образом, получают возможность мобилизовать различные социальные группы и привлекать принадлежащие им огромные ресурсы для удовлетворения общенациональных целей. Также они могут преодолевать препятствия развивающей политике посредством социального контроля и дискурсивных практик. В таких условиях город становится государством, а государство (нация) – городом. Главное достижение города-государства – институциональное расширение собственного влияния и взаимодействие на глобальном уровне в формате национального территориального образования [Olds, Yeung, 2004, p. 513].

Политика развивающихся государств подвергается существенным угрозам. К попыткам, потерпевшим поражение, принято относить СССР, Бразилию и Индию, где элиты и бюрократия проявили недостаточно гибкости, а также не в полной мере использовали

достоинства рыночных механизмов управления экономикой [Bagchi, 2000, p. 430]. Что касается России, существуют различные точки зрения на ее перспективы как развивающего государства. Доминирующая точка зрения акцентирует внимание на отсутствии даже внешнего сходства «между “азиатскими тиграми” (НИС – новые индустриальные страны. – *Авт.*), Китаем и Россией», что не позволяет говорить «о прямых заимствованиях нашей страной основных принципов выстроенных ими стратегий модернизации» [Александров, 2009, с. 171].

Перспективы и проблемы развития модели

Феномен развивающего государства – историческая данность современного развития стран Восточной Азии, его успех – их важнейшее достижение [Beeson, 2004, p. 31]. Перемены, произошедшие в Японии, Тайване, Южной Корее, Сингапуре, Гонконге и других государствах этого континента во второй половине XX в., не только принесли существенные экономические результаты, но и получили широкий резонанс в мире. Развитие «азиатских тигров» и новых индустриальных экономик Азии привело к значительным изменениям как на их собственной территории, так и в глобальном масштабе.

Двигатель экономического рывка «азиатских тигров» – развивающее государство. Культурные условия, историческая необходимость, особенности институционального дизайна, влияние внешних акторов – вне зависимости от приоритетности каждой из этих составляющих в процессе становления и роста развивающих государств, большинство проектов преуспели в выполнении поставленных перед ними задач. Несмотря на многочисленные различия, восточноазиатские развивающие государства являются общепринятым историческим примером успешности нового типа развития.

Вместе с тем перспективы развивающего государства в современном мире остаются размытыми. Современные исследования азиатских, а также европейских и американских политологов демонстрируют хрупкость указанных конструкций в период кризисов, в первую очередь, кризисов роста, а также в условиях усиливающегося международного давления. Развивающее государство

успешно как феномен развивающегося общества, однако при достижении определенной степени зрелости возможности его дальнейшего существования подвергаются опасности.

В настоящее время препятствия, возникающие на пути становления и роста развивающегося государства, значительны. В первую очередь, существенное влияние оказывает современный международный политический и экономический контекст, осуществляемый через давление международных организаций, в частности мировых экономических институтов (например, Всемирный банк и Международный валютный фонд), которые придерживаются неолиберальной парадигмы государственного развития [Wong, 2005, p. 170].

Кроме того, естественная внутренняя эволюция самих государств приводит к трансформации отдельных элементов, являвшихся основой прежних отношений и одновременно ставших препятствием для дальнейших изменений. В частности, тесное частногосударственное партнерство — фундаментальная предпосылка успешной экономической политики государства в Японии — в настоящее время представляет серьезную опасность для целостности всей социально-экономической и политико-административной системы, так как оно выступает основой для непрозрачных взаимоотношений капитала и власти, роста коррупции.

Наиболее спорное объяснение успешности или неудачи проекта развивающегося государства связано с культурными основаниями, в том числе, с качеством человеческого потенциала, а также историческим контекстом, в рамках которого формировались те или иные стратегии развития стран. Вместе с тем естественная эволюция теории развивающегося государства позволяет с большим успехом адаптировать эту модель к обществам иного типа, что может способствовать ее дальнейшему использованию в теории и практике развития государств современного мира.

Литература

Александров Ю.Г. Россия в зеркале «тигров» и «дракона»: (по результатам дискуссии) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — М., 2009. — № 1. — С. 171–183.

- Ким И. Дж., Хонг У.Х. Республика Корея: приручение «тигра» // Международный журнал социальных наук. – М., 2000. – № 30 (август). – С. 75–93.
- Baek S.-W. Does China follow «the East Asian development model»? // Journal of Contemporary Asia. – L., 2005. – Vol. 35, N 4 (October). – P. 485–498.
- Bagchi A.K. The past and the future of the Developmental State // Journal of World-Systems Research. – Riverside, 2000. – Vol. 6, N 2 (summer/fall). – P. 398–442.
- Beeson M. Developmental states in East Asia: a comparison of the Japanese and Chinese experiences // Asian perspective. – Changwon, 2009. – Vol. 33, N 2. – P. 5–39.
- Beeson M. The rise and fall (?) of the developmental state: the vicissitudes and implications of East Asian interventionism // Developmental States: relevancy, redundancy or reconfiguration? / Low L. (ed.). – N.Y.: Nova science publishers, 2004. – P. 29–40.
- Chang H. How to «do» a developmental state: Political, organizational, and human resource requirements for the developmental state // Constructing a democratic developmental state in South Africa – Potentials and Challenges / Edigheji O. (ed.). – Cape Town, 2010. – P. 82–96.
- Dore R. Stock market capitalism: Welfare capitalism. Japan and Germany versus the Anglo-Saxons. – Oxford: Oxford univ. press, 2000. – 240 p.
- Dostal J.M. The developmental welfare state and social policy: Shifting from basic to universal social protection // The Korean journal of policy studies. – Seoul, 2010. – Vol. 25, N 3. – P. 147–172.
- Fritz V., Menocal A.R. (Re)building Developmental States: From theory to practice: Working paper 274, September 2006. – L., 2006. – 35 p.
- Holliday I. Productivist welfare capitalism: Social policy in East Asia // Political Studies. – Nottingham, 2000. – Vol. 48, N 4. – P. 706–723.
- Johnson C.A. MITI and the Japanese Miracle. – Stanford: Stanford univ. press, 1982. – 412 p.
- Johnson C.A. The developmental state: Odyssey of a concept // The developmental state / Woo-Cumings M. (ed.). – Cornell, CA: Cornell univ. press, 1999. – P. 32–60.
- Kang C.-K. Diversification process and the ownership structure of Samsung Chaebol // Beyond the firm / Shiba T., Shimotani M. (eds.). – N.Y.: Oxford univ. press, 1997. – P. 31–58.
- Kwon H.-j. Transforming the developmental welfare state in East Asia // Development and change. – L., 2005. – Vol. 36, N 3 (May). – P. 477–497.
- Law W.-W. The developmental state, social change, and education // International handbook of comparative education / Cowen R., Kazamias A.M. (eds.). – L.: Springer, 2009. – P. 257–275.

- Lee S., McBride S.* Introduction. Neo-Liberalism, state power and global governance in the twenty-first century // Neo-Liberalism, state power and global governance / Lee S., McBride S. (eds.). – Dordrecht: Springer, 2007. – P. 1–24.
- Leftwich A.* States of development: On the primacy of politics in development. – Cambridge: Polity press, 2000.–233 p.
- Olds K., Yeung H.W.-C.* Pathways to global city formation: A view from the developmental city-state of Singapore // Review of international political economy. – N.Y., 2004. – Vol. 11, N 3 (August). – P. 489–521.
- Reiffenstein T., Nguyen H.T.* The international developmental state: The Japanese intellectual property system in Vietnam // Geoforum. – N.Y., 2011. – Vol. 42. – P. 462–472.
- Ritchie B.K.* Economic upgrading in a state-coordinated, liberal market economy // Asia Pacific journal of management. – Singapore, 2009. – Vol. 26, N 3 (September). – P. 435–457.
- Slater D.* Can leviathan be democratic? Competitive elections, robust mass politics, and state infrastructural power // Studies in comparative international development. – N.Y., 2008. – Vol. 43, N 3–4 (December). – P. 252–272.
- Wade R.* Governing the market: Economic theory and the role of government in East Asian industrialization. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1990. – 442 p.
- Wong J.* Re-Making the developmental state in Taiwan: The challenges of biotechnology // International political science review: Revue internationale de science politique. – Belfast, 2005. – Vol. 26, N 2 (April). – P. 169–191.
- Wu Y.-S.* Taiwan's developmental state: After the economic and political turmoil // Asian survey. – Berkeley, Calif., 2007. – Vol. 47, N 6 (November/December). – P. 977–1001.